

Естественно, любой кризис, а война и революция особенно, преподают важные уроки, и для политической верхушки и для общества. Мы считаем, что причины всех кризисов – это внутренние причины вызревают в системе. Внешние силы могут лишь использовать их по своему усмотрению. Особенно это касается революции, феноменом которой легко манипулировать. Вместе с тем революции выносят на повестку дня вопрос ценностей: мировоззренческих, политических, культурных. Решение этих ценностных вопросов и в начале XX в. и в начале XXI в. в Украине, привели к появлению феномена, который Э. Вильсон назвал «неожиданная нация» («Несподівана нація», 2004 г.). «Неожиданная нация» выступает контраргументом тем «братьям», которые считают, что «Украина не страна, и даже не государство». Украина как система не развалилась, но испытывает то, что в финансовом мире называют стресс тест. Украинское государство под давлением украинского общества и внешнего управления «вынуждено» выполняет свои функции. Постепенно, в ходе этого взаимодействия, украинское общество, достаточно активная его часть, становится политической нацией. Конфликты в обществе создают особые социальные традиции. Именно традиции и социальная память предостерегают и помогают решать конфликты. Хотя европейцам понадобилось две мировые войны, чтобы каким-то образом сдерживать себя. Современный мир стал глобальным, открытым. Поэтому любые внутренние кризисы и конфликты могут выйти за пределы политической системы. Особенно если к этому «прикладывают руку» внешние факторы. Революции и войны, которые вела и ведёт Украина (как политическая система и нация) отвергают идеи братства и единства. Случай Украины (Case of Ukraine) подтверждает старую истину о том, что в основе международных отношений лежит «Realpolitik», т.е. вечные государственные и национальные интересы. Но в условиях кризисов, рано или поздно, встаёт вопрос ценностей и мировоззрения.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

И. И. Погорская (Киев)

Стратегическая культура относится к ключевым макро-понятиям современного международно-политического развития, поэтому основное содержание стратегического поведения общества определяется государственными лицами, принимающими решения, и, соответственно, устанавливают долгосрочные государственные стратегические ориентации. Базовое понимание, к которому приводит стратегическо-культурный анализ, является то, что традиционные рационалистические теоретические модели стратегического принятия решений покрывали культурные различия меж-

ду государствами. Сторонники концепта, как правило, утверждают, что традиционные, универсально применимые теории международных отношений является аналитически неточными, поскольку в их стремлении к материально-рациональной ограниченности они опускают важную переменную – межгосударственные культурные различия, которые также обязательно должны быть учтены. Тем не менее, в концептуальном измерении, стратегическая культура до сих пор не выглядит совершенно, усложняя задачу объяснения отдельных случаев стратегического поведения актеров. Кроме того, многие модели, предлагают слишком много рефлексии на фактор стратегически культурной преемственности, что затрудняет прогнозирование вариативности действий актеров на международной арене.

Понятие стратегической культуры включает в себя два составляющих элемента: культуру и стратегию, определяет время его целостный смысл и вариативность толкований. Идея влияния культуры на национальную стратегию присутствует во многих исследованиях со времен Фукидида, что видели в ведении войны соревнования не только физических, но и моральных сил, а целью стратегии считали моральное уничтожение противника. Постепенно культура, кроме описательной, начала выполнять также эпистемологическую функцию, позволяя выявить наиболее важные черты в познании коллективности. Несмотря на то, что общепринятого определения культуры еще не существовало, под влиянием дискуссии в академической научной среде сформировались такие субдисциплины, как интеллектуальная история и этнокультурные исследования. Впоследствии, благодаря идеям известного специалиста по данной проблематике К. Гирца, опубликовавшему в 1973 г. книгу «Интерпретация культур». Он определил культуру как исторически транслируемую модель смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, которые используются людьми для коммуникации, увековечивают и развивают знания и отношение к жизни [1]. Под влиянием его разработок культура стала рассматриваться как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых социальная группа транслирует знания через время и пространство, или, иначе, семиотическое измерение социальных практик [7]. Тем самым, был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предусматривающий включение элементов структурализма, герменевтики, социологии, философии. Этот подход обозначается как часть более широких тенденций развития современной эпистемологии.

Другая составляющая концепта «стратегической культуры» предполагает не столько теоретические рассуждения, сколько рациональную связь между целями и средствами. В частности, Дж. Л. Гэддис, понимает стратегию как процесс, посредством которого цели связываются со средствами, намерения со способностями, задачи с ресурсами [2]. Действовать стратегически здесь означает выстроить корреляцию между целями и ре-

сурсами. Трактующее в переводе с древнегреческого языка как «искусство полководца», понятие «стратегия» потерпело содержательного расширения, но сохранило ключевое представление, что связано с анализом, оценкой, планированием, моделированием и обеспечением деятельности государства или сообщества. Обычно стратегия разрабатывается на длительный период времени, отсюда и особый тип мышления – стратегический, предусматривающий концептуальное, системно-ориентированное направление. По оценке Э. Голдман, процесс стратегического мышления предполагает четыре вида постоянной деятельности: сканирование действительности, вопрошание, концептуализацию и тестирование [3]. Особое значение придается стратегическому планированию, потому что в условиях турбулентности и быстрых дискретных изменений, значение стратегии для оценки угроз и возможностей и разработки «ответов» на «вызовы», допускающих дальнейшее движение, будет только расти. Таким образом, два концепта – «стратегия» и «культура» сформировали новое единое понятие.

В западном академическом мире автором самого термина «стратегическая культура» считается американский международник Дж. Снайдер, впервые употребил это понятие в конце 1970-х гг., анализируя американскую и советскую ядерные доктрины [8]. По мнению исследователя, элиты артикулируют уникальную стратегическую культуру, что представляет собой более широкий срез общественного мнения, социализированной в определенном типе стратегического мышления. Другой основатель данного исследовательского подхода К. Грей определил стратегическую культуру как таковую, что «относится к типу мышления и действий, вытекающих из перцепции национального исторического опыта, ответственного поведения в национальном стиле, а также с гражданской культуры и образа бытия» [4]. Существенным образом, в данном аналитическом русле стратегическая культура может быть трактована как набор практик и образа мышления, которые в обществах, определенных определенными географическими ареалами, регулирующих организацию и применения военной силы в политических целях. В данном смысле, стратегическая культура существенным образом определяет стратегический выбор государственных лидеров и управленцев.

Современные подходы касаются признания того факта, что внутри каждой стратегической культуры есть ряд «субкультур», которые могут конкурировать за влияние на принятие большинства стратегических решений. Теоретически, можно определить два типа стратегической культуры: стратегическая культура конфликтного типа и стратегическая культура типа сотрудничества. Эксперты утверждают, что более четко можно различить эти типы стратегической культуры через три вида признания: признание целесообразности войны, конфликта, признание эффективности использования силы. В работе «Культурный реализм» А. Джонстон определил стратегическую культуру как «приоритетные преимущества большой стратегии, вытекающие из парадигмальных предположений относительно

природы конфликта и противника, и коллективных решений» [5]. Специалист открыл очень перспективное направление в изучении стратегической культуры, где констатировано наличие доминирующей стратегической культуры, сторонники которой заинтересованы в сохранении статус-кво.

Таким образом, стратегическая культура может быть описана как весьма полезная цель-концепция как для комплексного анализа, так и узко прикладных исследований в сфере безопасности и внешней политики, которая может быть рассмотрена в двух измерениях: как познавательная парадигма и как контекст принятия стратегических решений. В частности, признанный специалист по дискурс-анализу Т. ван Дейк утверждает, что контекст может быть определен как структура систематически релевантных дискурсов свойств социальной ситуации [9]. В основе рассмотрения стратегической культуры как контекста лежат два гипотетические предположения: 1) исследователи исходят из того, что поведение государств в предыдущие периоды оказывает сильное влияние на их будущие возможности и варианты их поведения на международной арене; 2) исследователи опираются на идентичность или национальный характер, что предполагает склонность к определенному типу политики. В обоих вариантах имеется интегрированный подход, предусматривающий включение ее структуры в широкий социальный и культурно-исторический контекст. Еще одним важным феноменом в процессе изучения стратегической культуры как контекста является теория «зависимости от ранее пройденного пути». Если интеллектуальные предшественники теории исследовали, как становятся возможными институциональные инновации, то сторонники «зависимости от ранее пройденного пути», наоборот, поставили вопрос о том, почему институциональные инновации далеко не всегда возможны. Это позволило более точно акцентировать на том, что выбор, сделанный в прошлом, продолжает ограничивать возможности государства в будущем. С точки зрения формирования стратегической культуры как контекста наибольшее значение здесь имеют два параметра: временная обусловленность и вероятность или случайность того или иного события. Теория не предполагает зависимости от исходных условий, она фиксирует точки разрыва, существенно изменяющие сформированное будущее. По утверждению известного специалиста Дж. Махони, это и есть те случаи, запускают новые инерционные механизмы, которые означают или сотрудничество, или воспроизведение конфликта [6]. Таким образом, исследовательская парадигма представляет определенный путь познания, имеет четкую дефиницию зависимых и независимых переменных.

Вопрос о том, как выявить политические различия между странами остается крайне актуальным. Речь идет о специфике решений в сфере стратегической политики, которая открывает новый потенциал для развития концепции стратегической культуры, и, предусматривая формирование коалиций и достижения консенсуса, где участвуют конкретные политиче-

ские акторы, предполагает наличие отношений взаимозависимости. Стоит согласиться, что комплексный подход, который позволяет привлекать к анализу различные факторы из арсенала отдельных отраслей научных знаний, содержит значительный риск деконкретизации контекста стратегической культуры и методологическую сложность ее прикладной импликации. В то же время, несомненно, что стратегическая культура может быть трактована как контекст, который сопровождает понимание направлений поведения элементов в международной системе, но делает необходимым тонкое конструктивное сочетание партикулярности и универсальности. Понятно и то, что культурный базис стратегических построений не позволяет слишком легко разъединить идейное содержание стратегического поведения от процесса реализации.

Таким образом, по нашему мнению, более оправданной видится позиция, согласно которой стратегическое измерение международной политики определяется при учете объективного и субъективного элемента в стратегии, учете базовых культурных предпочтений в выработке и реализации политического решения. Поэтому эволюция научной мысли все чаще выбирает модель, которая предполагает особую стратегическую культуру, содержит несколько сосуществующих стратегических субкультур, интерпретацию международного социального/культурного контекста страны, интерпретирует материальные переменные и отношение к принятию различных стратегических решений, где различные парадигмы могут конкурировать за влияние в общественном дискурсе.

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
2. Gaddis, J. L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy* / J. L. Gaddis. – Oxford : Oxford University Press. – 512 p.
3. Goldman, E. F. *Building a Culture That Encourages Strategic Thinking* / E. F. Goldman // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. – 2010. – May. – Vol. 17, № 2. – P. 119–128.
4. Gray, C. *National Style in Strategy: The American Example* / C. Gray // *International Security*. – 1981. – Fall. – Vol. 6, № 2. – P. 21–47.
5. Johnston, A. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese* / A. Johnston. – Princeton : Princeton University Press, 1998. – 322 p.
6. Mahoney, J. *Path Dependence in Historical Sociology* / J. Mahoney // *Theory and Society*. – 2000. – № 29. – P. 507–548.
7. Sewell, W. *The Concept(s) of Culture* / W. Sewell // *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. – Berkeley : University of California Press, 1999. – P. 36–61.
8. Snyder, J. L. *A Project AIR FORCE report prepared for the RAND* [Electronic resource] / J. L. Snyder. – Mode of access: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>. – Date of access: 08.04.2019.
9. Van Dijk, T. A. *Text and Context of Parliamentary Debates* / T. A. Van Dijk // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. – Amsterdam : Benjamins, 2004. – P. 339–372.